
МУРЗИЛКА
№ 5
МАЙ 1947
Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
ДА ЗД
РАЗ
МАЯ

З. АЛЕКСАНДРОВА *Рис. С. БОЙМА*

МОСКВА В МАЕ

На небе солнышко встаёт,
С ним праздник веселее,
И Сталин встретить свой народ
Выходит к мавзолею.

Ребята песенки поют,
Идут с цветами люди,
Весенний праздничный салют
В Москве сегодня будет.

На обложке рис. А. КОКОРЕКИНА

Рис. В. СУРЬЯНИНОВА

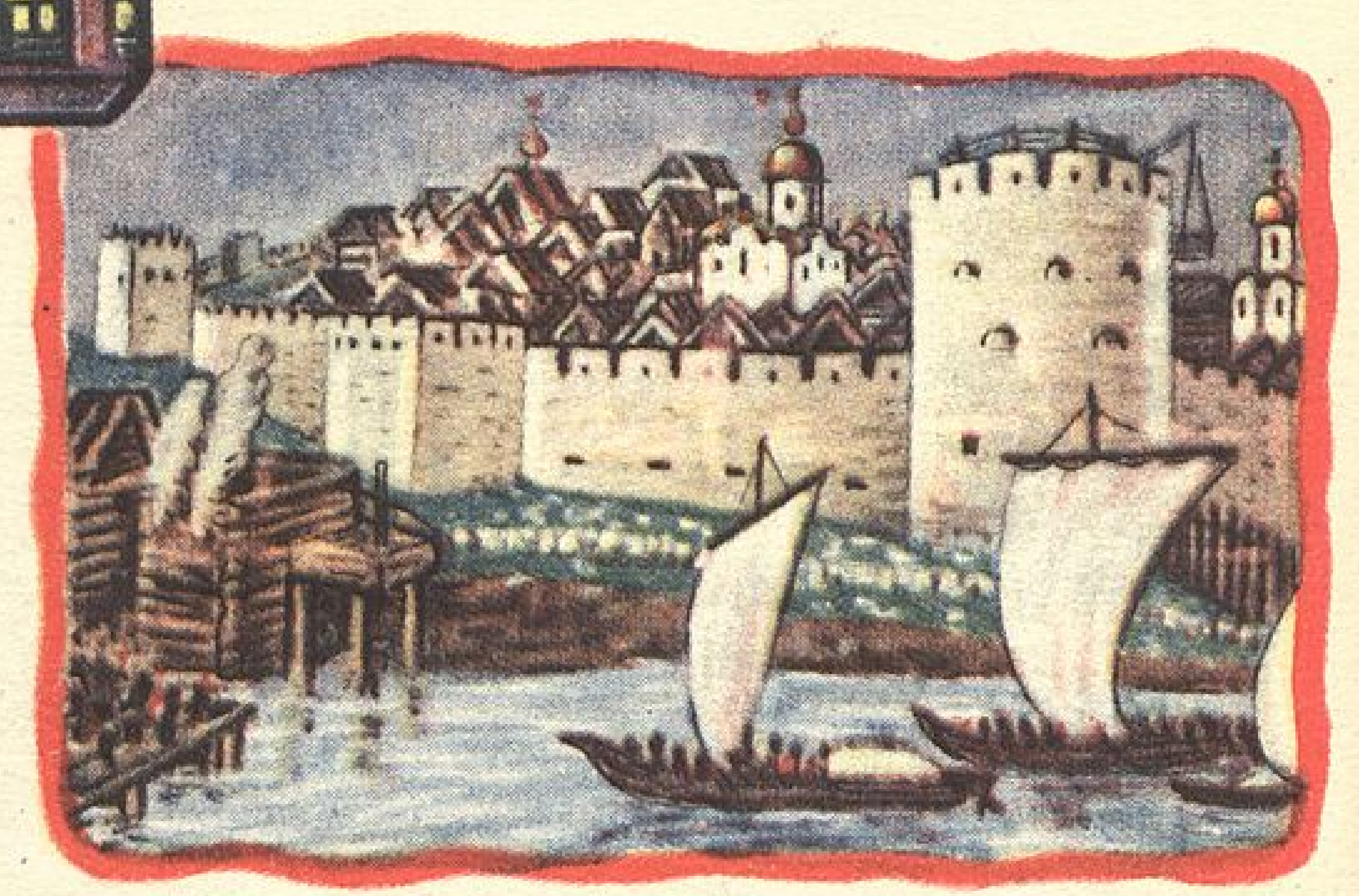

Иосиф Виссарионович
СТАЛИН.

Станция метро „Охотный ряд".

Кремль Ивана Калиты (1339 год).

Кремль, выложенный из белого камня (1367 год).

П. ЛОПАТИН *Рис. А. ПОРЕТ*

К 800-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

Родной любимой Москве — 800 лет! Восемь долгих столетий прожила наша столица. И сейчас мы отправляемся в необычайное путешествие. Мы садимся в сияющий электрическим светом поезд метро и едем в экскурсию по Москве.

Станция «Охотный ряд». Сегодня здесь стоит многоэтажная гостиница «Москва». Против неё высится высокое белое здание Совета Министров. А когда-то здесь шумел непроходимый бор. Только на берегу Москва-реки, на высоком холме, стояла небольшая усадьба. Восемь столетий назад князь Юрий Долгорукий велел вокруг усадьбы возвести из столетних сосен крепостные стены — Кремль. Так родилась Москва — маленькая крепость, затерянная в густых, дремучих лесах.

Мы приезжаем на станцию метро «Сокольники». Выходим. Вокруг широко раскинулся Парк культуры и отдыха. Каждый день, зимой и летом, сюда стекаются тысячи москвичей. И шумно, весело становится в парке: лыжи, коньки, лодки, занимательные игры, концерты, спектакли. А когда-то в Сокольниках был густой лес, богатый зверем и дичью. Сюда на соколиную охоту любил приезжать из Москвы царь со своими боярами.

Мы опять в метро. Плавно идёт поезд. За окнами мелькают лампочки. Станция «Дзержинская». Это центр Москвы. В старину здесь

Станция метро „Сокольники".

На соколиной охоте.

Станция метро „Дзержинская".

Московский Пушечный двор.

Станция метро „Кировская".

Мясницкая улица в старой Москве.

был высокий берег реки Неглинки, — сейчас она спрятана под землю, в широкую трубу. Пять столетий назад неподалёку отсюда, на левом берегу Неглинной, вырос Пушечный двор. Густой чёрный дым поднимался в небо. Слышались глухие, тяжёлые удары молотов. Здесь, на Пушечном дворе, родились первые русские пушки. И не раз их залпы гремели в жестоких битвах, отстаивая свободу и честь русской земли.

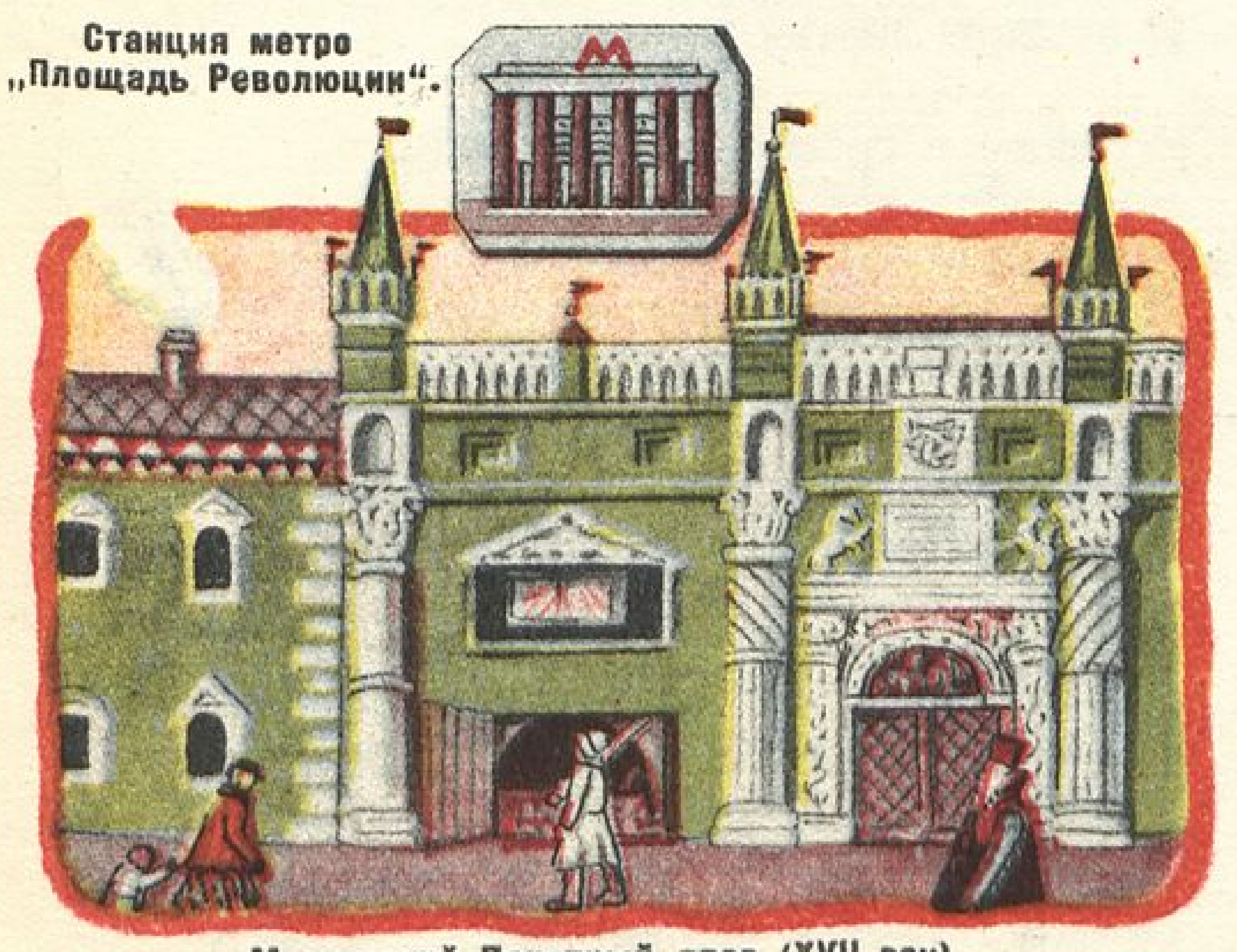
Глубоко-глубоко под землёй — станция «Кировская». Над ней, шурша шинами по асфальту, несётся поток автомобилей, автобусов, троллейбусов — синих, зелёных, красных, отделанных блестящими полосами из нержавеющей стали.

В старой, боярской Москве на этом месте проходила Мясницкая улица, пересекающая слободу мясников. По мостовой, выложенной из толстых брёвен, медленно проезжали боярские колымаги, крытые красным сукном.

Мы снова в пути. Станция «Площадь Революции». Рядом лежит Никольская улица, теперь она называется улица 25 Октября. На ней стоит здание старинного вида, украшенное резными фигурами зверей. Раньше, при царе Иване Васильевиче Грозном, здесь был Печатный двор, где в 1564 году была напечатана первая русская книга. Чуть поодаль стоит памятник русскому первопечатнику Ивану Федорову.

Мы заканчиваем наше путешествие далеко от центра, на станции «Электрозаводская». Сейчас здесь высятся многоэтажные корпуса громадного Электрокомбината. А в старину тут шумел лес на берегу реки Яузы. И здесь в 1688 году в старом амбаре боярина Никиты Романова маленький Пётр — будущий русский император Пётр Великий — нашел небольшой ботик. Пётр велел починить его и спустить на Яузу. Ботик Петра наши моряки прозвали «Дедушкой русского флота».

Станция метро „Площадь Революции".

Московский Печатный двор (XVII век).

Станция метро „Электрозаводская".

Маленький Петр на реке Яузе.

С. МАРШАК

Ледяной остров

Посвящается капитану медицинской службы Павлу Ивановичу Буренину.

Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО

1

На севере северной нашей земли,
За мшистою тундрой Сибири,
От самых далёких селений вдали,
Есть остров, неведомый в мире.

Тяжёлые льдины грохочут кругом,
И слышится рокот прибоя.
Затерян на острове маленький дом.
Живут в этом домике двое.

В полярную стужу и бурю они
Ведут, чередуясь, работу
Да книжки читают. А в ясные дни
Выходят с ружьём на охоту.

Добыча их — птица, тюлень иногда,
Порою медведь-северянин.
Но вот на зимовке случилась беда:
Один из полярников ранен.

Ружьё ль сплоховало, патрон ли подвёл, —
Кто знает! В глубоком сугробе
Его полумёртвым товарищ нашёл
В тяжёлом бреду и в ознобе.

Над ним просидел он всю ночь напролёт,
Стараясь прогнать свою дрёму,
Повязки менял да прикладывал лёд,
Но лучше не стало больному.

Всю ночь на подушке метался больной,
А взломанный лёд скрежетал за стеной,
И слышался грохот прибоя.

И снилось больному: он едет в Москву
И где-то в дороге ложится в траву.
И слышит листву над собою...

Но чаще и громче удары колёс,
Пронзительней скрежет железный,
И поезд несётся с горы под откос.
Ломая деревья, летит паровоз
Со всеми вагонами в бездну.

Очнувшись, услышал больной наяву:
Ключом телеграфным стуча,
Товарищ его вызывает Москву
И требует срочно врача.

Та-та́. Та-та-та́. Та-та-та́. Та-та-та́...
Радист отбивает тревожно:
— Раненье серьёзно. Грозит слепота.
Посадка на лёд невозможна.

2

В любую погоду с утра до утра
По городу ходят к больным доктора,

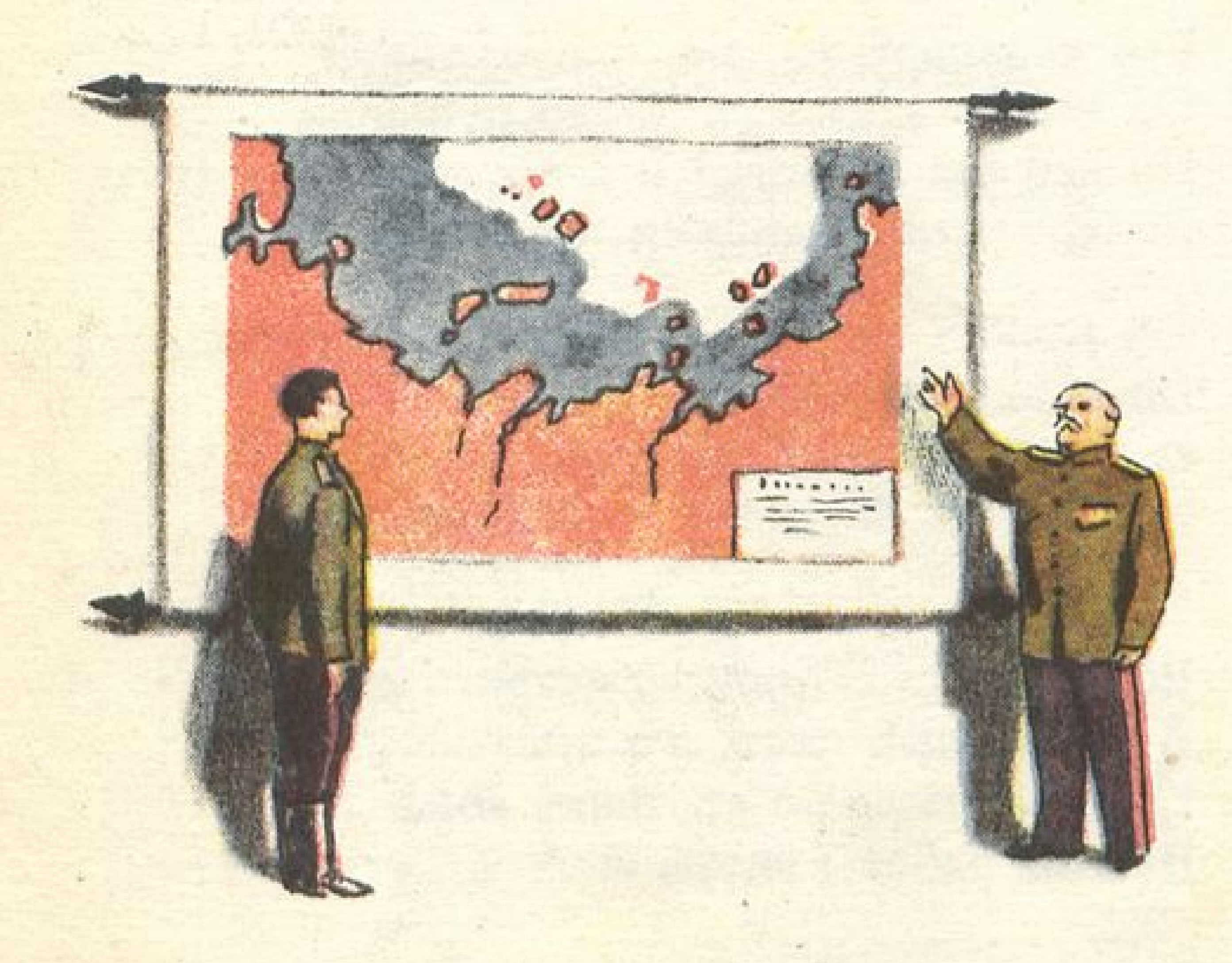
Иль с красным крестом на стекле и борту,
Пугая прохожих гудком за версту,
Машина закрытая мчится
К бессонным воротам больницы.

А в дальнем краю, среди горных стремнин,
Куда не проникнут колёса машин,
Осёдланный конь быстроногий
Бежит по отвесной дороге.
Песчаною степью кибитка ползёт,
В полярных просторах летит самолёт,
Да мчатся в упряжке собаки
По снежному насту во мраке.

Но может ли путник пробраться туда,
Где рушатся горы пловучего льда,
Куда не пройти пешеходу,
Куда не проплыть пароходу,
Где лодки своей не причалит рыбак,
Не ждёт самолётов посадочный знак,
Где даже упряжке полярных собак
В иную погоду нет ходу?

3

— Серьёзное дело я вам поручу, —
Начальник сказал молодому врачу. —
Взгляните на карту с маршрутом.
Сюда предстоит совершить вам полёт
В летающей лодке, откуда на лёд
Вы прыгнуть должны с парашютом.

— К полёту готов! — отвечал капитан.
Потом оглядел деловито
Синевший на карте пред ним океан,
Где надпись была: «Ледовитый».

К полёту готов молодой капитан.
Ему-то летать не впервые.
Летал он с десантом в отряд партизан
В недавние дни боевые.

Не в залах, где свет отражён белизной,
Где пахнет эфиром, карболкой,
А в тесной и тёмной землянке лесной
Из ран извлекал он осколки.

Он смерть свою видел на каждом шагу,
Но был он душою не робок,
Не раз с партизанами ночью в снегу
Лежал он в засаде бок о бок...

4

Над тундрой сибирской гудит самолёт,
Грозят ему вьюги и ветры.
Пять тысяч. Шесть тысяч. Шесть тысяч пятьсот
Легло позади километров.

И вот за спиною осталась Сибирь
В мохнатой овчине тумана.
Открылась пустынная, бледная ширь,
Белесая муть океана.

Под солнцем багровым летит самолёт
Над бледно-зелёной страною.
Ложится он набок — и вздыбленный лёд
Встаёт на мгновенье стеною.

Не видно нигде ни полоски земли.
Равнина мертва, нелюдима.
И вдруг померещилось где-то вдали
Ползущее облачко дыма.

На льду, среди трещин и мелких озёр
Блеснул в отдаленьи сигнальный костёр.

Кружит самолёт над водою и льдом,
Изрезанным тысячей речек.
Уж виден в тумане игрушечный дом
И рядом — смешной человечек.

Как он одинок, как беспомощно мал
В пустыне холодной и белой.
Но родину-мать он на помощь позвал —
И помощь к нему прилетела.

Крылатая лодка кружит над водой.
Десант она сбросить готова.
А этот десант — капитан молодой,
Летящий к постели больного.

Приказа последнего ждёт капитан.
И вот наступила минута:
Он прыгнул с крыла в ледяной океан
И дёрнул кольцо парашюта...

5

В любую погоду с утра до утра
Повсюду — в горах, на равнинах —
К постели больного спешат доктора
В телегах, в санях, на машинах.

Но в мире таких не бывало чудес,
Чтоб доктор на землю спускался с небес.

Верней, не на землю, а в воду —
В такую плохую погоду...

Он дёрнул кольцо и над морем повис
Под белым шатром парашюта,
Но камнем тяжёлым стремительно вниз
Его понесло почему-то.

Мгновеньем в опасности люди живут,
Оно не воротится снова...
Он понял, что прорван его парашют,
И дёрнул кольцо запасного.

Беду отвратил он движеньем одним, —
Серебряный купол раскрылся над ним,
И снова могучая сила
Его на лету подхватила.

И, плавно спускаясь с холодных высот,
Услышал он вновь, как гудит самолёт,
Плывущий по бледному своду.
Услышал, как лает на острове пёс...
Но тут его ветер куда-то отнёс.
Он сел не на остров, а в воду.

Помог парашют человеку в беде,
Не стал его недругом лютым.
Он долго, барахтаясь в талой воде,
Расстаться не мог с парашютом.

Его парашют, словно парус, тянул,
Он вымок насквозь — до рубашки,
Но всё же он встал и с трудом отстегнул
Замёрзшими пальцами пряжки.

Он вышел на лёд, утомлённый борьбой,
Воды наглотавшись студёной,
И свой парашют потащил за собой:
Нельзя же оставить — казённый!

6

Возник этот остров из старого льда,
А почвенный слой его чёрный
Сюда нанесла по песчинке вода
Веками работы упорной.

Стоит здесь не больше недель четырёх
Холодное, бледное лето.
Растёт из-под снега один только мох
Седого и чёрного цвета.

Весною здесь пуночка робко поёт,
Проворная пёстрая птичка.
Тепло возвещает утиный прилёт
Да чёрных гусей перекличка.

Посылки и письма привозит сюда
Зимою упряжка собачья,
А летом дорогой, свободной от льда,
Приходит и судно рыбачье.

Но редки такие событья в году,
А год у полярников долог...
Живут одиноко в снегу и во льду
Два парня: радист и — попавший в беду —
Гидролог
И метеоролог.

По радио только они узнают
О том, что творится на свете.
Но в самую злую из горьких минут
Пришёл к ним на выручку третий.

Никто б не узнал офицера-врача
В продрогшем насквозь человеке.
Он шёл, за собой парашют волоча,
И наземь текли с него реки.

Вошёл и сказал он: — А где же больной?
Нельзя нам минуты терять ни одной!

Сменил он одежду, умылся, согрел
Над печкой озябшие руки.
Потом он больного, раздев, осмотрел
По правилам строгой науки.

В дорожном мешке инструменты нашёл,
А вечером вместе с радистом
Он вымыл и выскоблил стены и пол,
Чтоб всё было свежим и чистым.

И только тогда принялись за еду
И час провели в разговоре
Усталые люди в избушке на льду,
Среди необъятного моря...

7

А утром, когда за вспотевшим окном
На солнце капель зазвенела,
Приехавший гость, освежившийся сном,
Оделся и взялся за дело.

Не зря он вчера парашют приволок:
Теперь — после стирки и сушки —
Он шёлком блестящим покрыл потолок
И голые стены избушки.

Блестят серебром инструменты и таз,
Больному хирург оперирует глаз.
Бежит за мгновеньем мгновенье...

И в эти мгновенья бегущие спас
Товарищ товарищу зренье.

На море и небо он будет смотреть,
На всё, что нам дорого в мире...
Для этого стоило в бурю лететь
На край отдалённый Сибири.

Для этого стоило прыгать с высот
В седой океан, на изрезанный лёд,
На снег между тёмных проталин, —

Куда молодого десантника шлёт
На помощь товарищу Сталин.

Путешествие водяных капель

М. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ

Рис. В. БИБИКОВА

Рассказ третий
КАПЛЯ НА ЗЕМЛЕ

Много дней странствовали капли по небу. И вот кончился их полёт. Капли спустились с неба, застучали по крышам домов, по листьям деревьев, по оконным стёклам.

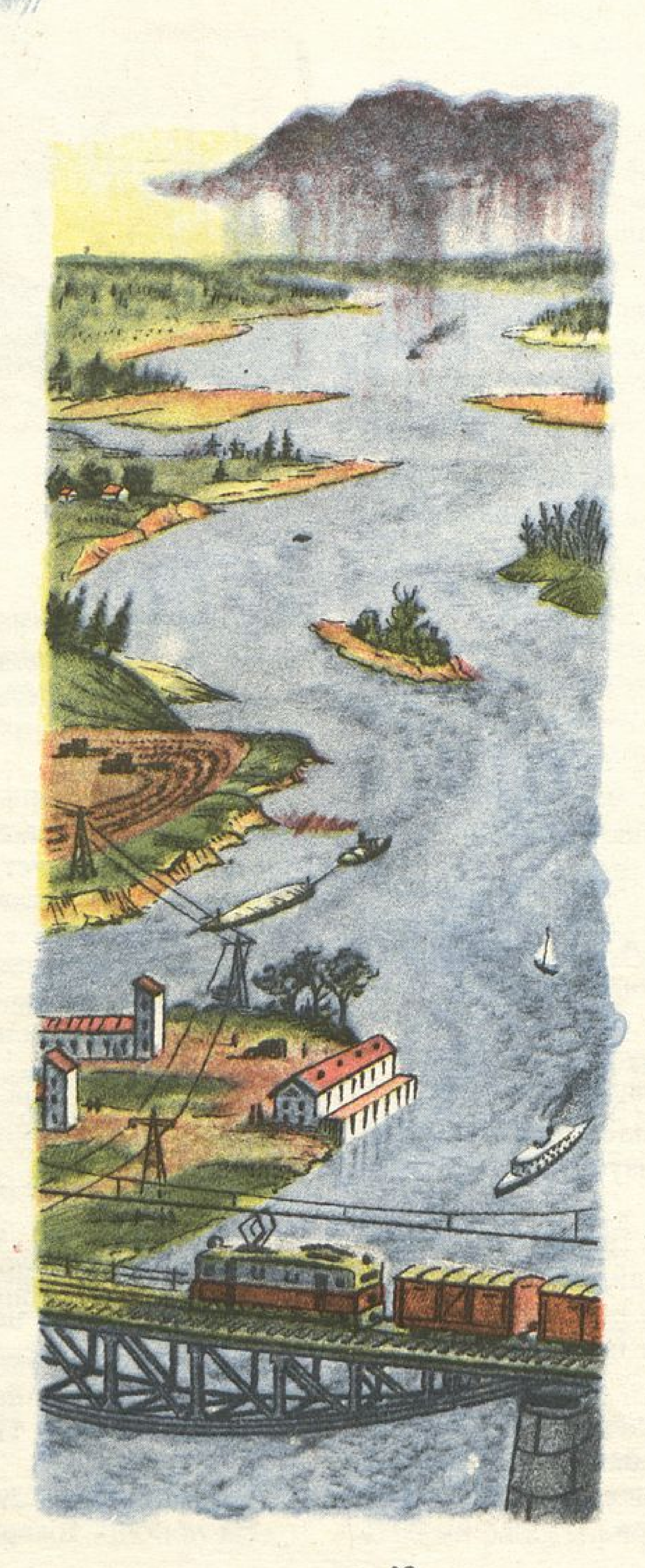
Что дальше будет с каплями?

Некоторые из них сбегутся вместе, соберутся в лужи. Когда дождь пройдёт, лужи высохнут: дождевые капли уйдут в землю или снова станут невидимками и улетят.

А другие долго будут гостить на земле. По бороздкам, по рытвинкам они доберутся до ближайшего ручья, а ручей доведёт их до реки. Вода будет отовсюду бежать к реке, неся с собой песчинки и камешки.

Не все капли сразу попадут в реку. Первыми добегут до неё те, которые упали поблизости. А дальние дойдут, может быть, только на второй или третий день.

Вот уже и дождь прошёл, и лужи высохли. А дождевые капли ещё долго будут бежать к реке.

Но и тут не кончится путешествие капель. Как по широкой дороге, побегут они несчётными толпами по речному руслу — мимо полей и лесов, мимо городов и деревень.

Толпы капель будут бурлить под винтом парохода. Их будут расплёскивать вёсла лодочников.

Одних перехватят по пути и отведут по водопроводным трубам в наши дома и на заводы, других заставят работать на электростанции.

Водяные капли будут вертеть колёса турбин, приводить в ход такие машины, которые дают электрический ток.

Так, странствуя по земле, водяные капли будут освещать наши дома, гонять трамваи, работать на заводах. Они будут подолгу отдыхать в баке водокачки высоко над верхушками деревьев. Они будут охлаждать моторы автомобилей и клокотать в паровозном котле.

Много недель будет длиться путешествие водяных капель по речному руслу.

Чем дальше, тем всё шире будет река, всё спокойнее и медленнее будет бег воды. Река будет всё чаще и чаще ронять на дно песчинки и камешки, которые принесли ей в подарок бурные, быстрые ручьи.

Изо дня в день будут расти на дне мели, превращаясь в островки.

Мели будут мешать пароходам плавать. Люди приведут землечерпалку. И она примется ворочать своими черпаками, убирать со дна реки песок...

И вот, наконец, после многих приключений капли доберутся до моря.

А из моря они снова улетят в небо. А с неба снова спустятся дождём или снегом на землю.

Но мы ещё не рассказали о тех каплях, которые уходят после дождя в землю. Что станет с ними?

Они будут долго пробираться под землёй с песчинки на песчинку, с комка на комок.

Их будут перехватывать по дороге корни трав и деревьев.

Капли будут поить и цветы в саду, и пшеницу на колхозном поле, и деревья в лесу. По корням деревьев капли доберутся до стволов, по стволам — до листьев, а из листьев снова уйдут невидимками в воздух.

Но не все капли попадут под землёй в корни. Некоторые уйдут ещё глубже в землю. Песок их пропустит, а глина остановит. Где лежит пластом глина, там каплям придётся течь по пласту.

Встречая на своём подземном пути колодец, капли будут подолгу задерживаться между его четырьмя бревенчатыми стенами. И только иногда звонкое ведро будет приходить за ними и уносить их из темноты наверх, к свету. А другие капли будут в это время продолжать своё медленное путешествие под землёй.

Бывает, что капли несколько лет ползут под землёй, пока не выберутся где-нибудь из склона холодным родником. А из родника они снова попадают в реку.

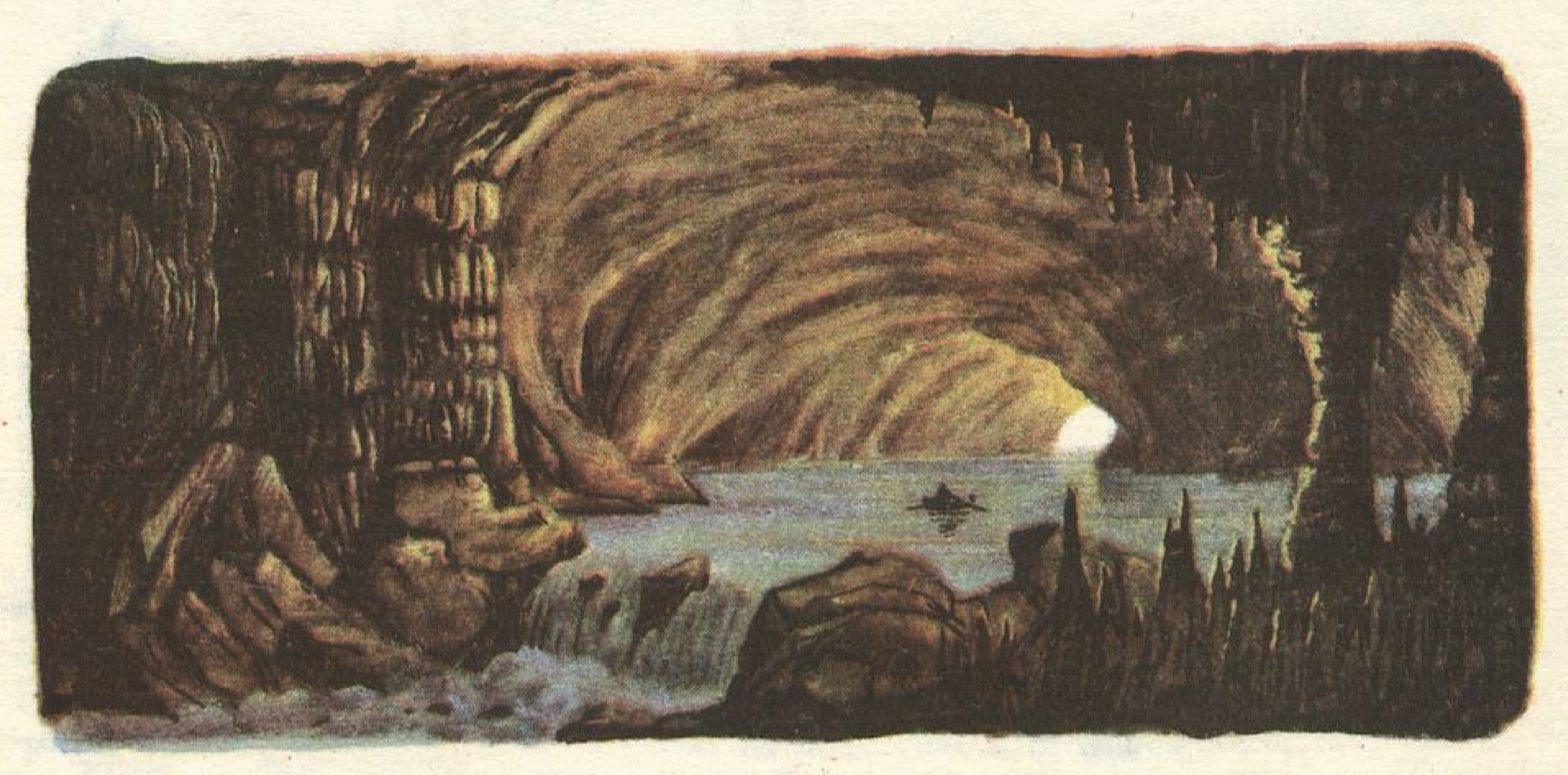
Но иной раз капли находят под землёй широкую трещину в каменной толще. Вода быстро бежит по трещине подземной рекой. Подземная река течёт в подземное озеро. А из озера по другим трещинам вода пробирается дальше, пока не выходит наружу.

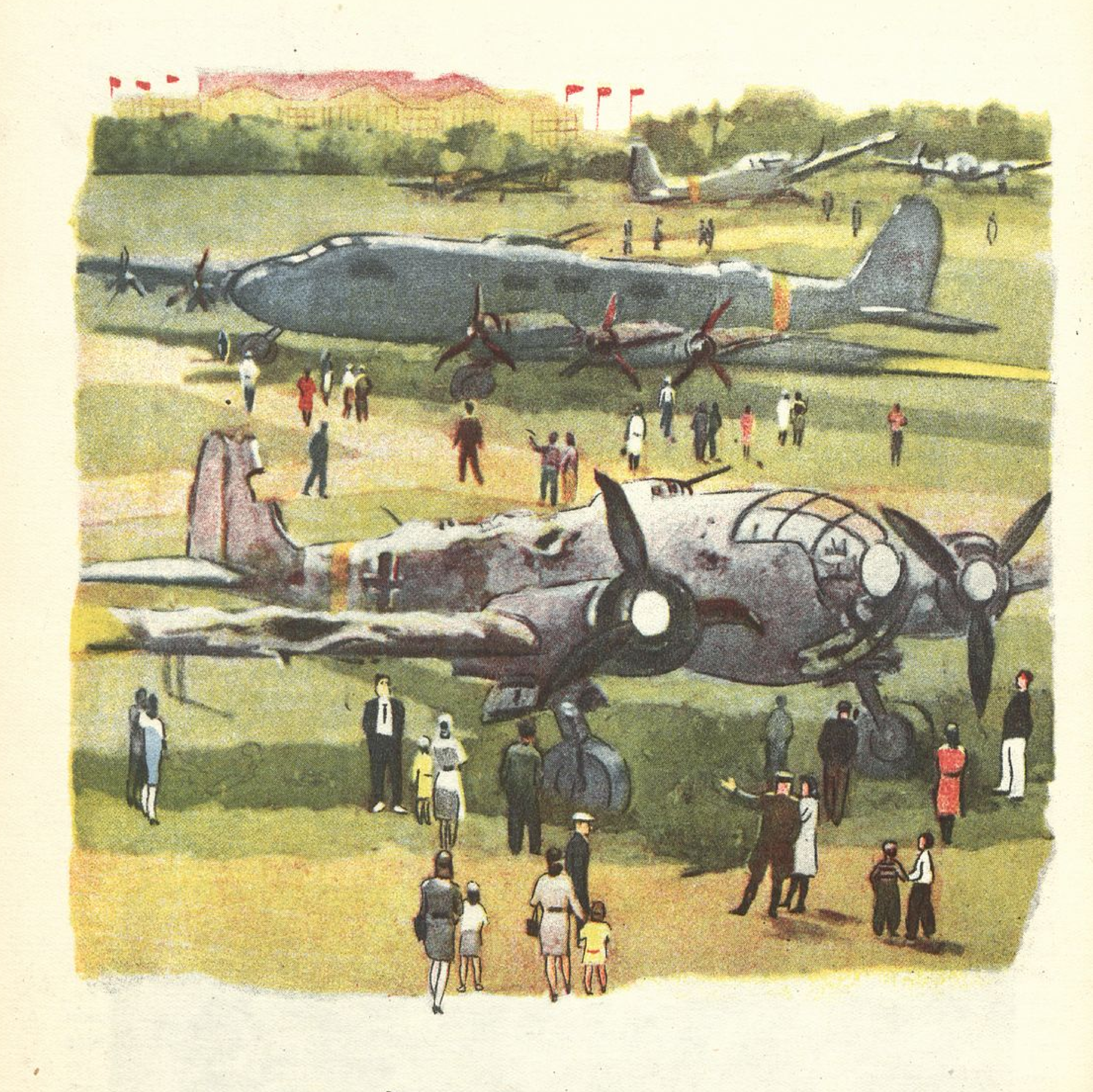
Случается, что подземная река добирается до морского дна.

Мутным столбом поднимается там речная вода среди прозрачной морской воды.

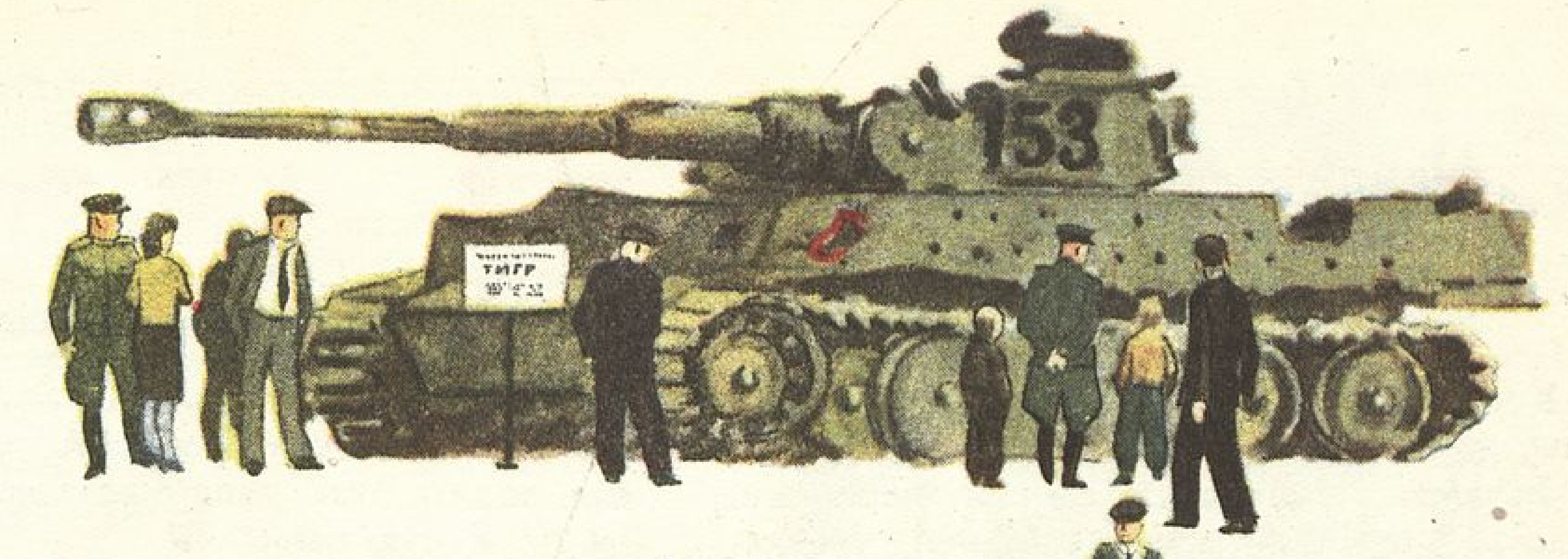
Много путей у водяных капель. Но как бы они ни шли — по земле или под землёй, — они добираются до моря.

Год проходит за годом и век за веком. А капли бегут и бегут без конца по кругу: из моря в небо, с неба на землю, с земли в море, а из моря опять в небо.

Здесь раскинул крылья в стороны
Самолёт шестимоторный.
Сожжённый, с тёмной полосой,
С крестами на крыле,
Он мёртвой кажется осой,
Лежащей на земле.

А. БАРТО *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

МЫ НА ТРОФЕЙНОЙ ВЫСТАВКЕ

У входа, ещё у калитки,
Я сразу увидел трофеи:
Рядами стояли зенитки,
Вытянув длинные шеи.

Пустой и разбитый,
Застыл бомбовоз,
Как будто он в землю
Колёсами врос.

Вот немецкий пикировщик
С переломанным хвостом
Посреди зелёной рощи
На земле лежит пластом.

Сбил его советский воин,
Чтобы немец не летал.
Целых пять сквозных пробоин
На крыле я насчитал.

— Интересный экспонат! —
Говорит мой старший брат.

Был мой брат и в Сталинграде,
И на фронте под Москвой,
Был он в танковой бригаде,
Носит орден боевой.

Немецкие танки стоят перед нами,
Разбитые «Тигры», хромые «Пантеры».
Танки, как стадо, теснятся рядами —
Чёрные, жёлтые, серые...

Мы с братом читаем
На каждой табличке
Их имена
И разбойничьи клички.

Немецкий орёл
Намалёван на танке,
А рядом растут
У канавки поганки.

Мой брат эти танки
Встречал под Москвою,
Там наши гвардейцы
Громили врага.

Навстречу врагу
Выходили герои,
И танки дымились,
Уткнувшись в снега.

Вот стоит огромный, страшный
Великан с разбитой башней.

Брат заглядывает в ствол,
Открывает люк.
— Вот я где тебя нашёл! —
Говорит он вдруг.

Танк с пробитой головой
Стоит с другими в ряд.
Его на фронте под Москвой
Взорвал мой старший брат.

Мы читаем на таблице:
«Взят на подступах к столице».

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рис. В. ГОРЯЕВА

СОЛДАТСКИЙ НОЖИК

Когда война кончилась, мы стали ждать папу домой.

Ждали, ждали, и уж совсем перестали ждать. А тут он и приехал. Вошёл, сказал: «Ну, вот и я!» — и поставил свой вещевой мешок на стул.

Смотрю на папу. Он. Действительно он. Мой папа. Глаза как будто похожи... И смеётся, как папа. Мой, конечно. Только ростом мой папа будто пониже стал... или я вырос.

Целый день я ходил за папой, смотрел на него, вещи его трогал. А если переставал ходить, так папа мне говорил: «Куда ты, Костя, пропал?»

Вижу, папа тоже косится на меня. Смотрит, смотрит и всё постепенно мне отдаёт. Даже и такое, знаете, наотдавал, что до сих пор понять не могу, как ему в самом деле было не жалко: утром планшет свой отдал, пулю, которую у него из плеча вынули, отдал, потом погоны свои сержантские и другие — немецкие, трофейные — тоже отдал. Только ножичек не отдал. А ножичек до того хороший! Ручка гладкая, костяная, из моржового клыка; два лезвия стальных, большое и маленькое; штопор, отвёртка и шильце узенькое, остренькое. Ну, красота!.. Нравятся мне такие ножички!

Я подумал: «Что ж, подожду до вечера...» И всё в руках этот ножичек держал, даже в карман нечаянно положил. А после чая папа сказал:

— Отдавай-ка ножичек и ступай спать.

Что же мне оставалось делать?.. Я, конечно, отдал ножичек и пошёл спать.

Всю ночь мне этот ножичек снился. А утром, когда я ещё спал, повернувшись к стене, чувствую — кто-то шлёпает меня по затылку и говорит:

— Ладно уж, забирай и ножик. Да и вставай заодно — пора!

Я сразу проснулся. Гляжу, лежит на одеяле ножичек. Схватил я его, раскрыл, пальцем потрогал: большое лезвие острое, а маленькое ещё острей.

Я вскочил и стал надевать ботинки. А папа стоит у двери в своей военной шинели, жаль только, что уже без погон, и чистит щёткой фуражку.

...Папа. Мой папа. Такой же, как был. Те же морщинки, когда смеётся... Так же вот волосы мокрые левой рукой приглаживает. Вот хорошо, что он вернулся!

Папа подмигнул мне и ушёл. А я оделся и побежал на кухню.

Я немножечко поплевал на ладонь и стал точить о плиту свой ножичек. Раз-раз, раз-раз... Но тут мама посмотрела на меня испуганными глазами и говорит:

— Откуда у тебя отцовский ножик?

— Папа дал.

— Выпросил-таки, на моё несчастье!.. Ну, что теперь будет?

Я говорю:

— Мама, ну, почему несчастье? Почему несчастье? Ну, почему? — Повернулся и ушёл из кухни. Думаю: «Возьму быстро линейку и сделаю из неё две узенькие, — даже ещё удобнее будет». Открываю ящик стола — нет линейки. В портфеле тоже нет. На подоконнике тоже... И тут, смотрю, — пианино.

До того дерево блестящее, гладкое, видно, что твёрдое, как лёд. Интересно, возьмёт мой ножик такое дерево или не возьмёт? Попробовать, что ли, маленьким лезвием где-нибудь в самом невидном месте — хоть возле педали?

Я присел на корточки и только-только срезал самую маленькую стружку (дерево, оказывается, очень мягкое), как в комнату вошла мама. Мама сразу всё заметила и говорить тихо:

— Ты бы ещё кому-нибудь нос отрезал!

Я даже немного обиделся.

— Ну, уж нос!..

— А что? Надо же тебе ножик обновить...

Я ничего не сказал, только отошёл к подоконнику и стал потихоньку соскабливать с него краску. Мама поглядела на меня, помолчала и спрашивает:

— В школу больше не пойдёшь? Закончил образование?

Я быстро надел пальто и калоши, завернул свой ножичек в носовой платок, взял новую полевую сумку и вышел на улицу.

У нас на углу висят большие электрические часы. Со стороны Петровки они очень точно показывают время, а вот со стороны Каретного постоянно бегут вперёд на целых пятнадцать минут. Я посмотрел со стороны Петровки: без пяти девять. Что такое? Уж очень поздно. Поглядел с Каретного — и там то же самое. Врут направо и налево.

На всякий случай я прибавил шагу, а потом даже пустился рысью. Так бежал, что троллейбусы, и те от меня отставали, а всё равно опоздал. Верно, значит, часы показывали.

Я на цыпочках подошёл к своему классу и посмотрел в стекло. Вижу: все сидят на своих местах и списывают с доски задачку, а Григорий Семёнович шагает вдоль парт и заглядывает в тетради.

— Не спешите! Не спешите! — говорит. — Каждая цифра в своей клеточке!.. Единица — в своей, ноль — в своей.

Тут он вдруг обернулся и увидел меня.

Посмотрел и говорит:

— Это ещё что за единица в клеточке? Извольте полюбоваться — портрет отличника учёбы Кости Соколова за стеклом и в рамке.

Ребята захохотали, а я сразу присел на корточки, чтобы меня не было видно через стекло.

Но Григорий Семёнович потихоньку подошёл к дверям да вдруг как распахнёт их — и все ребята увидели, что я сижу перед дверью на корточках.

Что тут стало в классе — и сказать невозможно! До того все захохотали, что Бобка Козолупов (мы его называем «Лупленый козёл») чуть с парты не свалился.

Только теперь уж и ребятам здорово попало. Григорий Семёнович посмотрел на

них очень строго и даже поднял палец. Они, понятно, притихли. А он говорит:

— Соколов, садись-ка на место!

Я подобрал сумку и на цыпочках пошёл к своей парте.

Посидел минутку и не утерпел, — хочется мне ребятам ножичек показать. Достаю его из кармана. Отгибаю сначала большое лезвие, потом — маленькое, потом — штопор, отвёртку, шильце и начинаю аккуратно протирать носовым платком.

Протёр — и вижу: так и есть! Славка Брыкин разинул рот и глядит на мой ножичек, как будто хочет его проглотить.

«То-то! — думаю. — Чья взяла?»

Тут как раз прозвенел звонок. Григорий Семёнович взял журнал и ушёл из класса. А ребята остались в классе и всё крутятся возле моей парты.

— Вот это ножик! — говорят. — Действительно ножик! Дивная вещь! Откуда у тебя такой ножик?

— Откуда? Ясное дело, с фронта...

— А острый?

— Спрашиваешь!

Я сейчас же достал карандаш и стал его медленно точить маленьким лезвием. Все смотрят, любуются, хвалят. Ни у кого такого ножика нет!

За переменку я отточил семь карандашей и начал восьмой, да ещё успел отвёрткой два винтика из парты вывинтить и штопором пузырёк с красной тушью раскупорить (Славка Брыкин принёс, чтобы заголовок у стенгазеты раскрашивать).

Следующий урок был русский устный. Все читали про Каштанку, а я всё время с ножичком возился. Фамилии на пеналах вырезал: Брыкина сразу вырезал, а Попуригопуло целых пять минут вырезал. Даже места на пенале нехватило, поместилось только Попуригоп...

— Костя Соколов, читай дальше! — вдруг говорит Григорий Семёнович.

А я совсем и не знаю, откуда надо читать, и Славка Брыкин тоже не знает. Он на мою работу всё время смотрел.

Григорий Семёнович говорит:

— Что с тобой сегодня, Соколов? Сам не учишься и другим, видно, не даёшь. Вот и заработали четвёрку на двоих.

Ну, мне стало очень не по себе. Папа только что приехал, а я будто нарочно пару схватил. Прямо не знаю, как про это дома сказать.

Сижу, думаю, а ножичек будто сам собой по парте ходит, что-то такое вырезает. Двойку вырезает. Словно мало мне одной в журнале...

Вдруг слышу:

— Соколов, сейчас же отдай мне свой ножик и выйди из класса.

— Григорий Семёнович, — говорю, — да как же так?.. Это я нечаянно! Честное слово, нечаянно!

А Григорий Семёнович и не слушает. Взял у меня из руки папин ножик и говорит:

— Ступай, ступай!

Я стиснул зубы и губы, чтобы не заплакать, и пошёл к дверям.

После рисования все ребята разошлись, а мне Григорий Семёнович говорит:

— Посиди, Соколов.

Потом приходит и говорит:

— Дай свой дневник, Соколов. За уче-

ние — двойка, и за поведение — двойка. И как не стыдно! Отец в армии, можно сказать, герой, а сын — лентяй и озорник.

Я говорю:

— Нет. Папа уже не в армии. Он вчера вернулся.

Поглядел на меня Григорий Семёнович: «Вот как!» — и берётся за ручку.

Я его прошу:

— Григорий Семёнович, я больше не буду. Я так себя хорошо буду вести, только письма не пишите и ножик мой отдайте. Его мне с самого фронта папа привёз.

Григорий Семёнович молчит и будто не слышит. Написал записку, промакнул, сложив вдвое, вчетверо, сверху написал: «Товарищу Соколову — лично». И отдаёт записку мне:

— Вот. Отнеси. Передай лично. И ножик тоже отцу отдай.

Я завернул ножичек в носовой платок, положил письмо в карман и пошёл домой.

И вот я иду домой и несу папе записку Григория Семёновича, и до того мне тяжело, будто я восемь кирпичей в кармане тащу... Шёл я, шёл, словно сто вёрст прошёл... Притащился домой. А дома так хорошо, как будто сегодня Первое мая. Стол раздвинут, накрыт... Шинель папина в передней висит, — значит, он дома.

Вижу, мама весёлая, добрая, нарядная. «Ну, — думаю, — отдам записку ей, может, этим дело и кончится». Вытащил записку, подаю. А мама посмотрела и говорит:

— Да это же, Костя, не мне. Здесь написано: «Товарищу Соколову — лично».

— Я и отдаю лично. Ты ведь тоже товарищ Соколов, а папу жалко.

Тут как раз папа вышел. Полотенце на плече, в руках бритва и кисточка.

— Что это — почта? — спрашивает. — Кому письмо? Уж не мне ли первое после войны?

Мама молчит А я говорю:

— Тебе, папа, из нашей школы.

«Всё равно, — думаю, — узнает, так уж пусть поскорее!»

Папа взял письмо, прочёл.

— Да... — говорит.

А мама спрашивает:

— Что?.. Что такое?

Папа ей письмо протянул, и она прочитала. Оба молчат. Да и мне говорить нечего. Помолчали, помолчали мы все, а потом папа повесил полотенце, развинтил и спрятал в коробочку бритву и говорит каким-то чужим голосом:

— Что ж ты стоишь? Идём.

— Куда?

— В ту комнату.

Я пошёл, а папа за мной. Чуть переступили порог, папа дверь захлопнул — и на ключ. Я испугался... И мама, видно, тоже испугалась. Стучит тихонько в дверь, спрашивает:

— Коля! Коля! Зачем ты закрыл дверь?

— Подожди. У нас тут такой разговор— без свидетелей.

И вдруг шагнул он ко мне:

— Где ножик?

— Вот.

Папа взял его, держит на ладони, а я думаю: «Лучше бы я никогда этого ножика и не видел, со всеми его шильцами, вильцами и отвёртками. Сколько из-за него неприятностей!»

Папа переложил его с ладони на ладонь и говорит:

— Не думал я на фронте, что мой ножик будет в Москве подоконники скоблить, резать рояли, парты, заборы, ворота...

— Я ворот не резал...

— Просто не успел. Хорошо, что он у тебя всего полдня пробыл. Небось, за три дня ты бы весь район изрезал да исцарапал. А ведь у меня он не три дня, а три года был и честно поработал. Сколько я им сучьев и веток подсек для костров, у которых мы грелись в походах...

Когда товарищ мой ранен был, так я этим ножичком сапог ему разрезал, чтобы перевязку наложить.

А больше всего мне запомнился такой случай:

Однажды выполз из-за кустов немецкий лазутчик и оглушил меня сзади ударом приклада. Я свалился в траву, а очнулся в чьей-то пустой избе... Руки у меня были за спиной связаны... Лежу. Во рту горько, В голове гул. Слышу: на улице у самого

входа в избу часовой ходит — щебень у него под ногами шуршит... Слышу немецкие слова.

«Нет, — думаю, — так зря вам не дамся!» Прислонился головой к стене. Хатка украинская, белёная, — от стен свежей извёсткой пахнет. На столе миска стоит, кувшин глиняный для варенца, молоко в печи запекать.

И вдруг вижу: в окно смотрят снаружи два глаза голубых. Низкое оконце. Видно, маленький человек смотрит.

Говорю тихонько: «Айда ко мне!..»

И человек, что снаружи стоял, сразу в окошко влез. Вижу, парень с тебя росточком, только глаза голубые, а головёнка рыжая... Посмотрел я на него и смекнул, что этому человеку можно вполне довериться.

«А ну-ка, — говорю, — хлопчик, пошарь у меня за голенищем...» Ножик был у меня в сапоге. Только русский солдат высокие сапоги носит. Вот он при мне и остался — моё последнее боевое оружие.

Хлопчик разрезал верёвки и убежал. А когда стемнело, я вылез в окно и осторожно пополз вперёд по колючему, скошенному полю.

Долго полз... Вдруг слышу неподалёку русский говорок... Костёр в темноте светится... Значит, дополз.

А через день мы эту самую деревню, в которой хлопчик жил, отбили у немцев.

...Сам понимаешь теперь, как дорог мне этот нож, а для тебя я не пожалел — отдал...

Я стою, смотрю на него, не знаю, что и сказать. А он говорит:

— Ну, бери свой нож!

Я говорю:

— Правда?!

А папа головой кивнул:

— Правда. Подарков назад не отбирают. А теперь идём обедать.

Вышли мы, а мама смотрит то на папу, то на меня и не понимает, что у нас там было в комнате. Налила она нам по тарелке супа, хлеба отрезала, и сели мы обедать.

И больше про ножик у нас с папой разговоров не было, потому что всё было в порядке.

Ножик чинил карандаши, откупоривал бутылки с чернилами, нарезал бумагу, строгал планки для змея, вырезал из кусочков фанеры самолёты, дома, вытачивал деревянные волчки, срезал мне дудочки из камыша, — одним словом, делал своё дело. А я — своё.

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

В героическом 1917 году

Далеко в Сибири, в глухом селе Шушенском, Владимир Ильич Ленин, Надежда Константиновна Крупская и другие ссыльные революционеры праздновали в 1899 году Первое мая. Они собрались вместе и вышли за деревню, в поле. Один из ссыльных расстелил на земле красный платок. Все обрадовались, увидев цвет революционного красного знамени.

«А вечером, — вспоминает Надежда Константиновна, — мы с Ильичём как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых когда-нибудь примем участие...»

И вот сбылись мечты. Вы видите на картине первую свободную маёвку в 1917 году. Народ, сбросивший постылую царскую власть, проходит центральной площадью Петрограда—Марсовым Полем. Здесь с трибуны Центрального Комитета большевистской партии выступил с речью товарищ Ленин. А на Васильевском острове на митинге выступал товарищ Сталин.

ОЛЕГ БЕДАРЕВ

НАШЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

В начале этого года была пущена в ход разрушенная немецкими фашистами Днепровская гидроэлектрическая станция имени Ленина

Волны шумят у бетонной плотины,
Мерно рокочут большие турбины,
Движет турбины могучий поток —
Делают здесь электрический ток.

Стройные мачты построились в ряд,
Будто в строю великаны стоят, -
Крепко стоят на железных ногах,
Сжаты канаты в железных руках.

И над землёю бегут провода:
В сёла,
в аулы
и в города.

Несут провода электрический ток:
На север,
на запад,
на юг,
на восток.

На завод приходит ток —
И работает станок:
Точит, режет медь и сталь —
Выйдет нужная деталь.

Наше дальнее село
Всё огнями расцвело:
Школа, клуб и детский сад —
Всюду лампочки горят.

Ток молотит нашу рожь,
В корнерезке крутит нож.

Ток работает в кино:
Льётся свет на полотно.

Поезда в метро глубоком
Движутся электротоком.

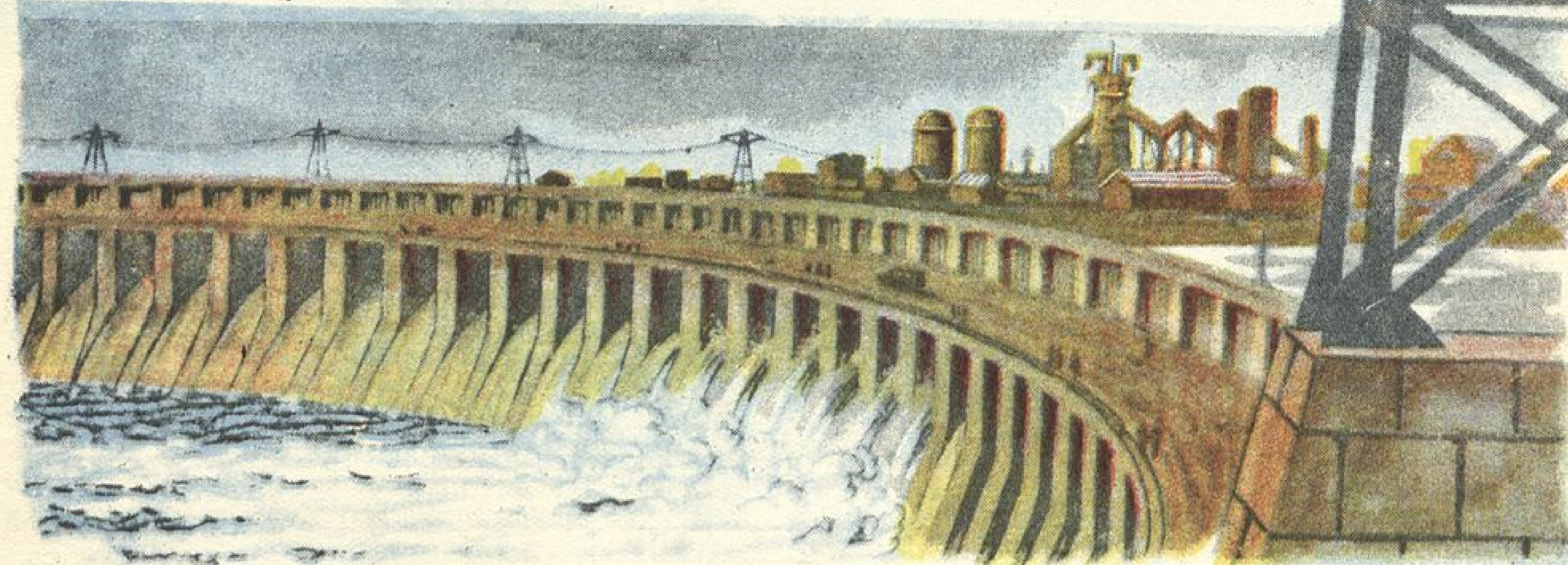
Зазвонил у нас звонок —
Это ток.

Заработал телефон —
Тоже он.

Мне нагреет кипяток
Тот же ток.

И в домах, и на работе
Электричество в почёте.
В Костроме, в Караганде,
За Полярным кругом —
Электричество везде
Стало нашим другом.

План пятилетний страна приняла,
Делают люди большие дела.
Тысячи станций в работу вступают,
Город, деревня огнями сверкают.
Ток на строительства новые дан —
Так выполняется сталинский план!

Прочитай и перепиши порядок склейки!

ЛЕГКОВОЙ АВТОМОБИЛЬ „ЗИС-110"

Теперь у тебя будет двигающаяся модель легкового автомобиля «ЗИС-110». Постарайся аккуратно вырезать и хорошо склеить автомашину. Общий вид её показан на следующей странице.

Посмотри внимательно выкройки отдельных частей автомобиля и проследи на пояснительных рисунках, помещённых на этой странице, порядок склейки.

Все выкройки, кроме общего вида, для прочности нужно наклеить на плотную бумагу.

По сгибам, указанным прерывистой линией (пунктиром), и язычкам отдельных частей перед склейкой проведи тупой стороной ножниц. Тогда получится хороший, ровный сгиб.

Порядок склейки:

1. Вырежь целиком основной корпус машины, мягко согни (без надлома) крышу и верх радиатора. Склей борта и верх автомобиля по язычкам донизу (смотри рисунок 1).

2. Отогни, по пунктиру, низ основного корпуса, прикрепи его к противоположной стороне (Ж) и к задней части корпуса (З). Места приклейки указаны соответствующими буквами:

3. Обклей колёса полосками шин, как указано на рисунке 2. Сделай из круглой палочки две оси (длина осей показана рисунком) и, продев их в отверстия корпуса, насади в центре колёс на клей. Оси колёс должны свободно вращаться в отверстиях корпуса.

4. Склей и закрепи на указанных местах капоты (обтекатели). Предварительно приклей в места, обозначенные буквами «Б», пружины для амортизаторов (смотри рисунки 2 и 3).

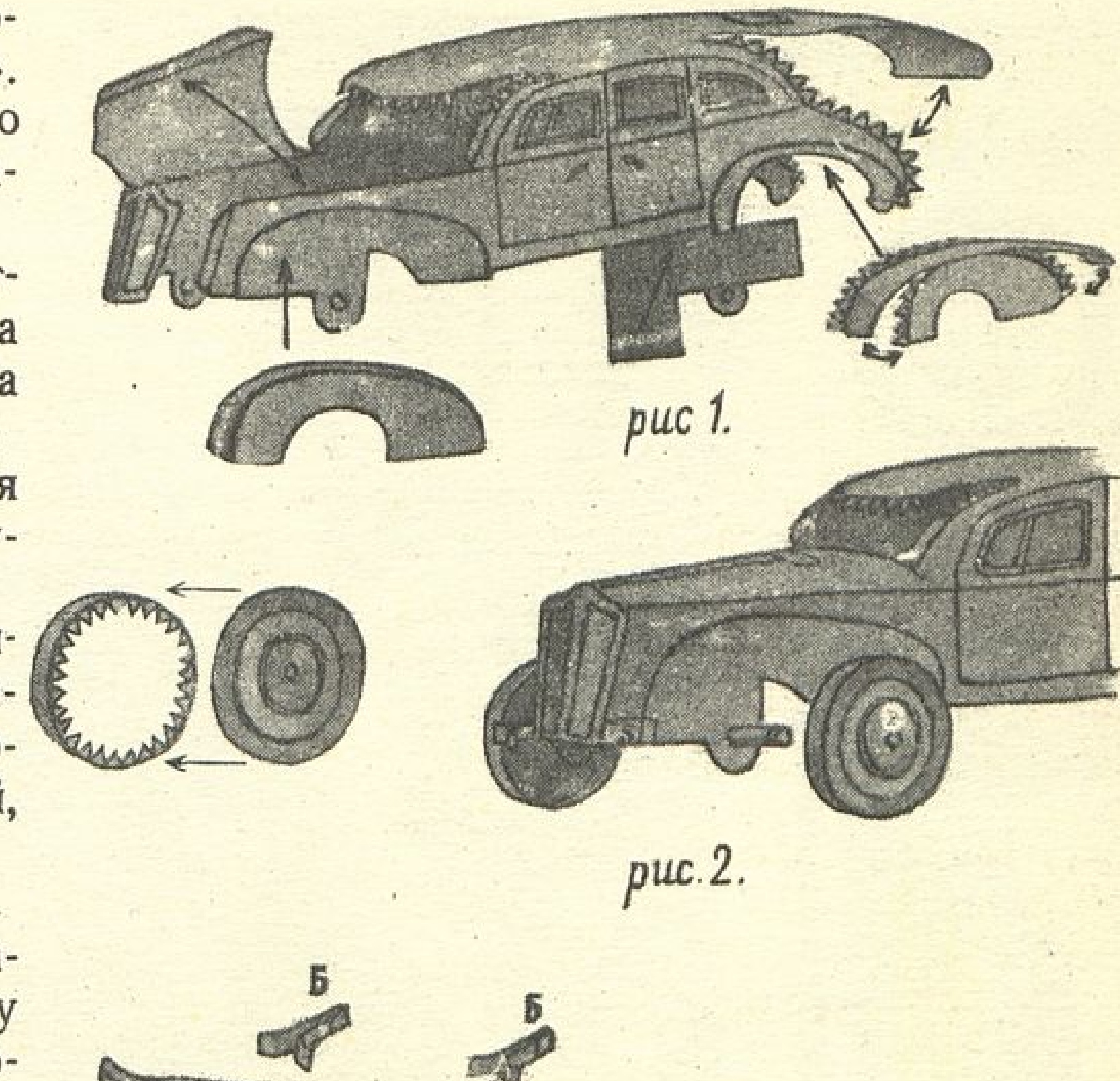

рис 1.

рис. 2.

рис. 3.

5. Приклей всё остальное: стёкла кабины шофёра, амортизаторы к концам пружин, фары, номер машины. Укрепи антенну между стёклами кабины шофёра и флажок на радиатор.

Лучшим клеем для работы является казеин. Он разводится как в холодной, так и в горячей воде. Можно взять жидкое стекло или другой готовый канцелярский клей, хорошо схватывающий склеиваемые части.

В. Любимов

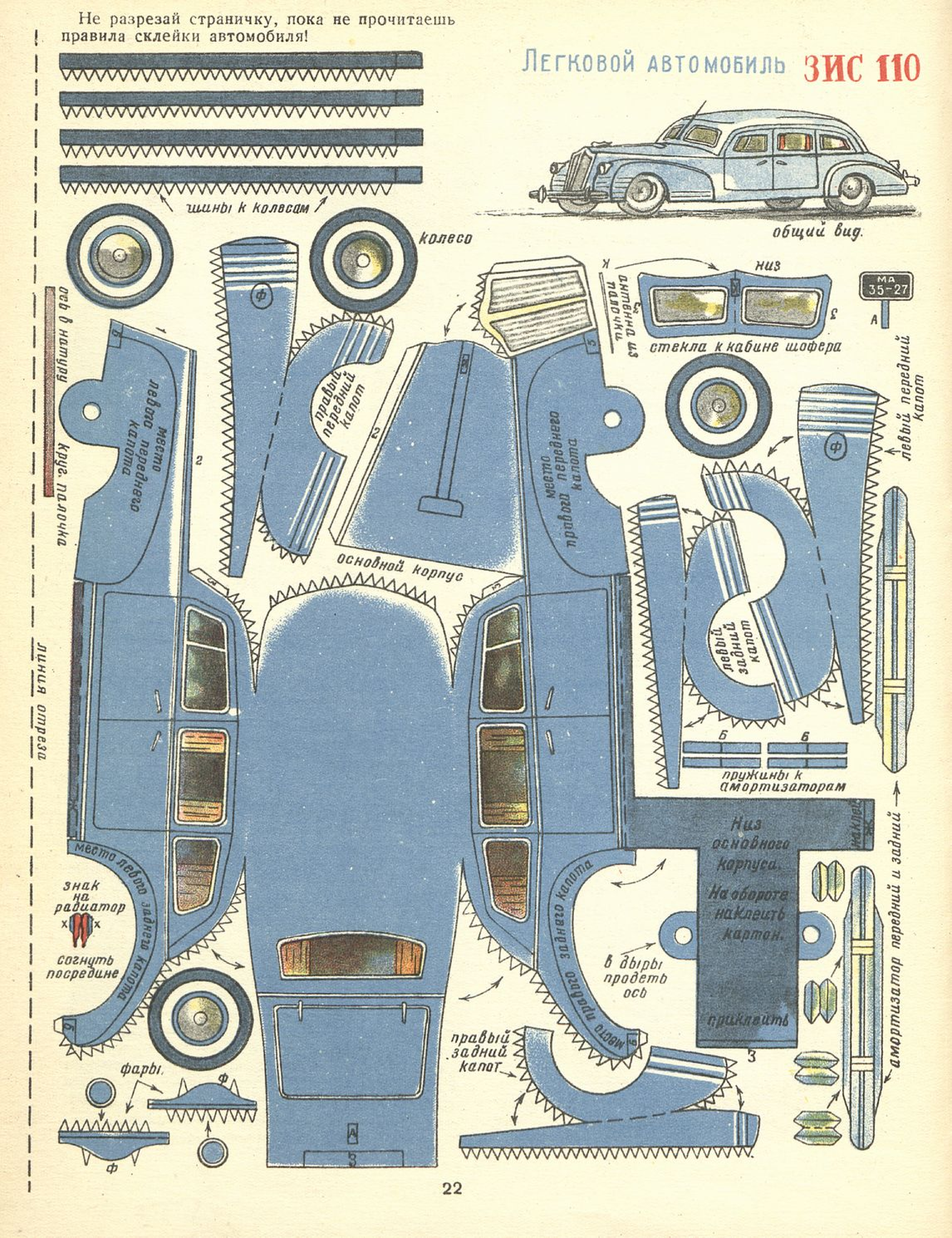
ОТВЕТ НА КРОССВОРД „ТИГР", ПОМЕЩЕННЫЙ в № 4

1. Филин. 2. Лошадь. 3. Треска. 4. Корова. 5. Павлин. 6. Ворона. 7. Выдра. 8. Собака. 9. Сокол. 10. Ласка. 11. Кошка.

Первыми прислали правильные ответы на задачу и загадки, напечатанные в №№ 2 и 3: Соня Волкова (г. Москва), Коля Ипатов (деревня Харитоново Ярославской области), Вера Букреева (станция Лопарская Мурманской области), Лида Виноградова (село Захаровское Рязанской области), Зина Ливинец (г. Рудки Дрогобычской области), Майя Исаева (г. Москва), Тоня Бабаева (г. Москва).

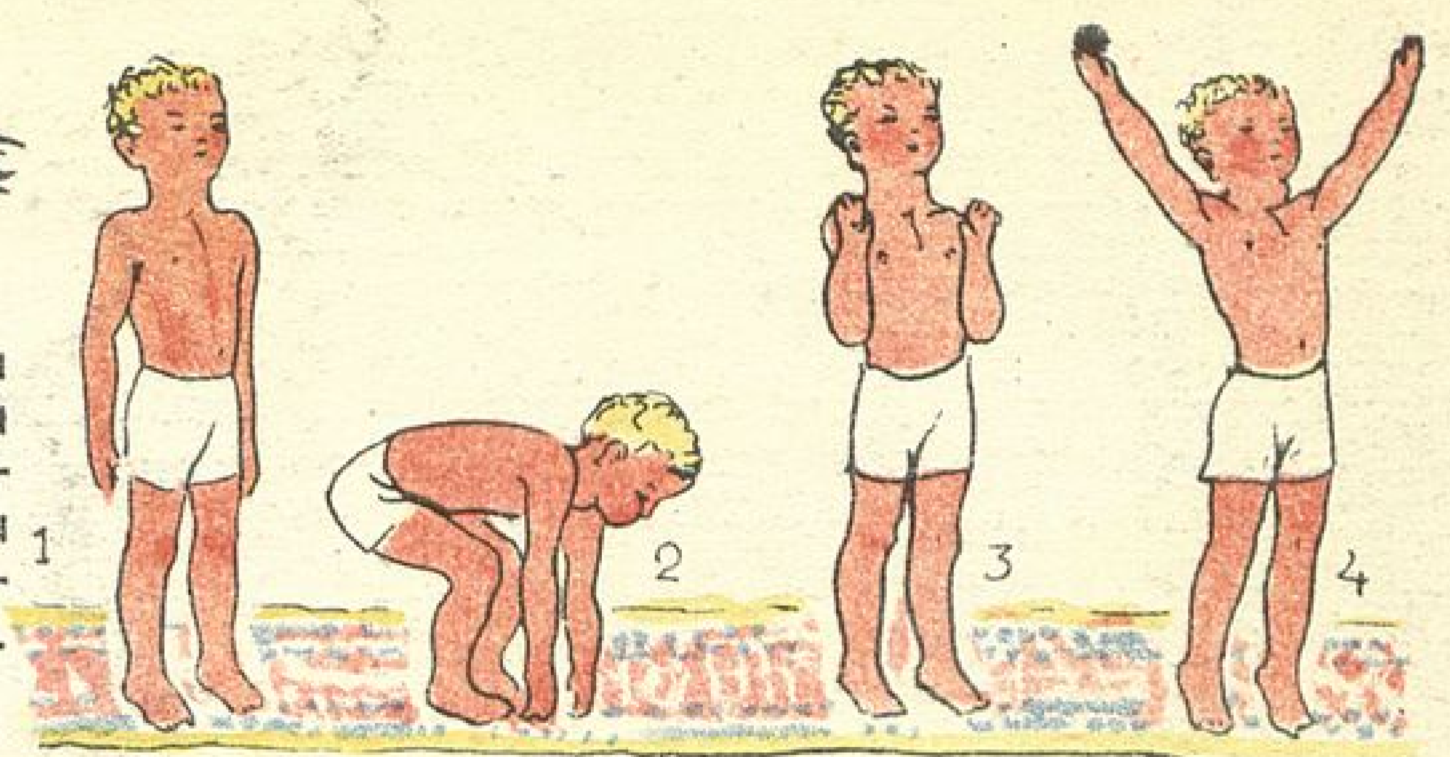
Не разрезай страничку, пока не прочитаешь правила склейки автомобиля!

Легковой автомобиль ЗИС 110

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА

Утром, как только проснёшься, расстели на полу коврик или старое одеяло, проветри комнату, а летом открой окно, и начинай гимнастические упражнения, вот такие, как мы здесь показываем. Утренняя гимнастика поможет тебе стать крепким, здоровым, ловким.

«Тянись вверх»

Встань, как показано на рисунке 1. По счёту «раз», сгибая колени, наклонись вперёд и коснись руками пола, как на рисунке 2 (сделай выдох). По счёту «два» медленно выпрямись, согнув руки в локтях, как мальчик на рисунке 3. По счёту «три-четыре», медленно вытягивая руки вверх и делая вдох, поднимись на носки (смотри рисунок 4) и снова встань, как показано на рисунке 4. Упражнение проделай 4—5 раз.

«Пружинка»

Ноги немного расставь, руки вытяни вперёд ладошками вниз, как девочка на рисунке 5.

По счёту «раз» поднимись на носки, руки отведи в стороны ладошками вверх, как на рисунке 6, и глубоко вздохни. По счёту «два-три-четыре» опустись с носков на всю ступню, руки снова вытяни вперёд ладошками вниз и, сжимаясь, как пружинка, три раза присядь (выдох), как девочка на рисунке 7, и встань.

Проделай это упражнение 3—4 раза.

«Косарь»

Встань, как стоит мальчик на рисунке 8. По счёту «раз», не сдвигая ног с места, поверни корпус влево и руки переведи тоже влево. По счёту «два» повтори то же движение в правую сторону. Дыхание произвольное. Повтори упражнение 4—5 раз.

«Гребец»

Сядь на коврик, чуть согнув ноги в коленях, наклонись вперёд и, сжав руки в кулаки, протяни их к пальцам ног, как на рисунке 9. По счёту «раз» выпрямись, согни руки в локтях, как на рисунке 10, и одновременно сделай глубокий вдох. По счёту «два» снова вытяни руки вперёд к носкам и сядь так, как сидел в начале упражнения (выдох).

Это упражнение проделай 4—5 раз.

«Заведи мотор»

Встань, как девочка на рисунке 11. Три-четыре раза быстро покружи руками перед грудью. По счёту «раз» отведи руки в стороны (смотри рисунок 12) и вздохни. По счёту «два» медленно опусти руки вниз (выдох). Проделай это упражнение 5—6 раз.

«Бегун»

Приготовься к бегу на месте: встань прямо, согнув руки в локтях. Теперь начни бег на месте, как мальчик на рисунке 13. «Пробежал» четыре счёта — переходи на ходьбу на месте (смотри рисунок 14). Сделав четыре шага, начинай снова бег. Повтори бег и ходьбу 3—4 раза. Упражнение закончи ходьбой.

Журнал „Мурзилка“ № 5, 1947 г.

ИСПРАВЬТЕ ОПЕЧАТКУ!

В этом номере журнала по вине типографии допущена опечатка.

В «Утренней гимнастике» (стр. 23) в разделе «Тянись вверх» окончание предпоследней фразы следует читать так: «...и снова встань, как показано на рис. 1».

Заказ 744

Рис. Ю. ВАСНЕ

Не уйти от нас вороне, всё равно её догоним.

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов.

Рукописи не возвращаются Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать четвертый Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 22/V 1947 г. А02392. Объем 3 печ. л. 3,8 уч.-изд л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 744.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.